

Норейка В

1988

10 АПР 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МУЗЫКА

Виргилиус Норейка:

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

САМЫЙ ТОНКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Популярность Виргилиуса Норейки необычайно широка. Прекрасный певец, народный артист СССР, чей голос звучал едва ли не во всех уголках Родины, во многих зарубежных странах, ведет и активную, разнообразную общественную работу: он председатель правления Литовского театрального общества, директор

и художественный руководитель Академического театра оперы и балета Литовской ССР, депутат Верховного Совета республики. Его призвание — опера, поэтому первый вопрос, на который хотелось бы прежде всего услышать ответ, — каковы взгляды на современное положение оперного жанра?

— Вообще мне кажется надуманной сама постановка вопроса: устарел ли жанр? Жизнь, история отбрасывают вторичное, несовершенное в любой области творчества. Но человеческий голос остается во веки веков самым драгоценным и выразительным инструментом, раскрывающим душу человека, передающим его красоту, биение его сердца. И никакая техника, никакая электроника живой голос певца не заменят. Потребность пения — в самой человеческой природе, и устареть эта потребность не может. Надо только умело, талантливо ее реализовать.

— Но ведь опера — только одна из форм певческого искусства. Есть и другие. Может быть, они-то и идут на смену ей?

— Только плохой опере и плохому театру. В иных оперных театрах реальная посещаемость зрительных залов упала до 30—35 процентов. Причин тому много. Одна из них — система абонементов, которую я категорически отвергаю. Приходишь в театр с тысячекратным залом — билетов нет, а на спектакле присутствуют всего несколько десятков зрителей. Потому что какое-то предприятие закупает все абонементы в этот театр. В отчетах — полный порядок, аншлаги, почетные места в соревновании за выполнение плана. А публики нет... Такая система не способствует защите оперного жанра.

Очень рад, что в нашем театре без всяких абонементов посещаемость всегда близка к полному залу. Общеизвестно, попасть на наши спектакли трудно. Это и радует, и налагает особую ответственность. Мы стараемся так вести дело, чтобы люди приходили к нам, как на праздник, чтобы почувствовали, что в театре все возвышенно, одухотворенно, красиво, празднично.

Да и с другой стороны мы не вправе забывать. А именно, что помогают нашему благополучному существованию, если можно так сказать, народные «меценаты». Ведь каждый оперный спектакль недешево обходится: большие составы участников — симфонический оркестр, солисты-вокалисты, хор, балет. Без государственной дотации ни один оперный театр не может существовать. Получая народные деньги, мы обязаны рассчитаться, отплатить за них своим красивым, нужным людям искусством.

— Читателям будет интересно узнать, каким вам, певцу, видится завтрашний день оперного театра? Могут ли оказать на него заметное влияние те тенденции и процессы, которые характеризуют современную эстраду?

— Какой-то принципиально новой системы исполнительства я пока не вижу. Музыкальный язык современной эстрады, а вокальная школа остается прежней. Мы поем на основе тех традиций, которые нужны для исполнения опер «bel canto» («красивое пение»), и чувствуем себя хорошо в этом репертуаре. Другой школы мы не имеем. Другой методики нет. А современные композиторы критикуют нас, певцов, за то, что мы редко включаем в концертный репертуар их произведения.

— Но пишут ли они оперы?

— Пишут, чаще всего экспериментируя. А ведь эскиз и законченное произведение далеко не одно и то же. К сожалению, подчас авторы предлагают свои эскизы в качестве готовых произведений. Споры нет, творческий поиск очень ценен, необходим, но воплощение на сцене набросков, на мой взгляд, нецелесообразно. У многих композиторов преобладает стремление рассматривать человеческий голос как обыкновенный оркестровый инструмент.

Это большая ошибка. Надо беречь голос певца. «Портить» его саксофонными рудами, глушить густой оркестровкой, предельно высокими нотами, значит, лишать его главного — красоты тембра. Конечно, человеческий голос — это инструмент, но живой, ранимый инструмент.

В эстраде есть очень интересные начинания, особенно когда голос трактуется как сольный — ведущий инструмент. Есть много прекрасных эстрадных исполнителей, но, к сожалению, чаще всего в эстраде артисты поют... на уровне ребенка. Они понятия не имеют (да никто и не требует этого!), что пению хоть чуть-чуть надо обучаться.

— Вы ведь сами, кажется, начинали с эстрады?

— Да, я был эстрадным певцом в студенческие годы, но всегда мечтал об опере. Теперь в моем арсенале — около сорока оперных партий и тысяча концертных арий, романсов, песен. Скоро буду петь на своем четырехсотом сольном концерте. Концертную деятельность начал девятнадцатилетним, в 1954 году. Читатели молодежного журнала, представьте, посчитали меня тогда самым популярным в Литве эстрадным певцом. В то время эстрада была не такой, как теперь: мы не заглатывали микрофоны, эстрадный оркестр не глушил солиста, хотя артисты часто выступали без усилителей.

— Вы пели с самого детства? Задолго до поступления в консерваторию?

— Да, сколько я себя помню, пел. А теперь меня пугает положение некоторых детских хоров. Боюсь, что чем их больше, тем меньше будет хороших певческих голосов. Потому что детские хоры подчас исполняют такие вещи, при которых хрупкий голос ребенка изнашивается; дети кричат, перенапрягая связки, поют не в своем, детском диапазоне.

— В какой «форме» вы себя сейчас чувствуете как певца? Что вас в собственном творчестве не удовлетворяет?

— Вы задали вопрос, требующий исповедального ответа. Есть законы природы, которые распространяются на каждого певца. Сейчас мне не удается то, что когда-то давалось легко. Но зато теперь мне вполне доступно то, что некогда казалось невозможным. Лет десять назад мне было совсем не трудно флиртовать звук на крайних верхних нотах. Сейчас сделать это сложнее. Но зато когда-то мне не удавалось добиваться большой силы звука, а сейчас это вполне достижимо. Что-то потерял, что-то обрел с годами. Рад, что в моем голосе не появилось «качания», хрипотцы, как мы, вокалисты, называем это — «песка». Может быть, звук стал чуть тяжелее, зато открылись новые возможности, появился новый репертуар. Я, наверное, сейчас уже «тенор-спинто» (лирико-драматический).

— Ваш идеал певца? Кого из певцов вы считаете для себя примером, достойным подражания?

— Подражать никогда не надо: надо уметь петь своим голосом. А нравятся мне многие. Но одно дело, когда как профессионал я изучаю произведение, слушаю, как исполняли его другие. Другое дело, воспринимать искусство певца, будучи слушателем.

Странная история произошла со мной: какая-то переоценка ценностей. Некоторые певцы, которых я в молодости не принимал, теперь кажутся мне большими художниками. Когда органически соединяется богатейшая природа с высоким мастерством, с владением

школой, тогда получается Иван Козловский. Считаю, что пою в другой манере, чем Иван Семенович, но преклоняюсь перед его удивительным вокальным талантом и великолепной школой. Школа должна быть одна, а искусство вокала всегда индивидуально, неповторимо, у каждого свое. Подражать кому-либо очень вредно — слушатели любят не копии, а оригиналы.

— Вы ведете большую общественную работу, да еще ведете занятия в Вильнюсской консерватории, у вас много учеников. Что вам дает педагогическая работа и что вы хотели бы пожелать своим ученикам?

— Честно говоря, мне кажется, что мои студенты немножко недополучают от меня. Конечно, если бы не директорство в театре, не многочисленные общественные обязанности, на долю студентов оставалось бы больше сил и времени.

Как председатель правления Литовского театрального общества я должен общаться с артистами других театров, видеть и знать, чем заполнена их творческая жизнь. Так что иногда просто необходимо добавить пару часов в сутки. Мало времени остается, чтобы перед спектаклем отдохнуть, побыть дома, почитать. Отдыхаю только во время гастролей.

Мое спасение, моя радость — атмосфера в коллективе театра. Могу спокойно развешивать по стране только благодаря тому, что у меня прекрасные заместители, главный дирижер, режиссер, артисты, художники, все они — мои друзья, мои единомышленники. У нас уважительный, доброжелательный климат. Не дай бог, если в руководстве театра заведется червячок недоверия. Большой коллектив может работать сплоченно только при том условии, когда его возглавляют люди с единством взглядов и действий. Бывают, конечно, и разные взгляды на то или иное явление, но мы уважительно относимся друг к другу, всегда находим общее решение ради интересов театра, искусства, зрителей.

Очень важную роль здесь играет партийная организация. Ее работа хорошо, вдумчиво планируется и четко выполняется. Она ведет за собой коллектив идейно и творчески. Возглавляет партийную организацию авторитетный человек, хороший певец Эдмундас Куодис. Иные директора, может быть, улыбнутся, но мне очень по душе и хороший, твердый в своих позициях профком. Председатель его у нас режиссер Элигиус Дамаркас. Я рад, когда ко мне приходят представители профсоюза и говорят: «Товарищ Норейка, а вот эту репетицию вы назначать не имеете права!» Да, руководителю театра нужны, полезны люди, которые, не боясь испортить отношения с начальством, защищают интересы коллектива.

Я, коммунист, понимаю: нынешний год ответственный, насыщенный событиями: 40 лет Победы, 45 лет Советской Литвы, съезд Компартии Литвы, подготовка к XXVII съезду КПСС. С чем каждый из нас идет навстречу этим событиям? Все ли, что мог, сделал для народа?

Главная тема нашего искусства — верность Родине. Борьба за мир. Нет искусства вне живой атмосферы социального прогресса. Мы — созидатели. Души и руки наши чисты. Мы любим людей. Мы с оптимизмом смотрим в будущее. Такими воспитала нас ленинская партия. Такими мы и наше искусство нужны эпохе.

Беседу вела
О. МАКАРОВА.

ВИЛЬНЮС.